

А.А. РИВЛИНА

«ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНФЛИКТ» И ЕГО «НАИВНАЯ» МЕТАЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (на материале взаимодействия современного русского языка с английским)

Аннотация: В статье описывается усиливающаяся тенденция к вербализованной метаязыковой рефлексии носителей русского языка, связанная с глобализацией английского языка и увеличением количества англоязычных заимствований. Особый интерес представляют развернутые негативно-оценочные метаязыковые комментарии по поводу англоязычных заимствований, отражающие неприятие норм и ценностей, противоречащих русскоязычной культуре. Данное явление определяется как «лингвокультурный конфликт», а его «наивная» метаязыковая интерпретация рассматривается как часть «языковой самообороны» русскоязычного языкового сообщества.

Abstract: The article describes the current growing tendency towards the Russian speakers' verbalized metalinguistic reflection, generated by the growing exposure to global English and the influx of Anglicisms. The negative metalinguistic commentaries of Russian lay speakers on the borrowings from English are particularly important as they reflect a rejection of alien cultural norms and values clashing with the system of traditional Russian culture. This is defined as a "lingua-cultural clash"; while its folk metalinguistic interpretation is seen as apart of the "linguistic self-defense".

Ключевые слова: культурный конфликт, лингвокультурный конфликт, «наивная» лингвистика, метаязыковая рефлексия.

Ривлина Александра Абрамовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка факультета менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: rivlina@mail.ru.

Keywords: culture clash/conflict, linguacultural clash/conflict, folk linguistics, metalinguistic reflection.

Введение: о понятиях «культурный конфликт» и «лингвокультурный конфликт»

Понятие (меж-, интер-)«культурного конфликта» используется во многих дисциплинах, исследующих различные аспекты межкультурной коммуникации (в теории межкультурной коммуникации, этнопсихологии, социальной культурологии, культурной антропологии и т.д.). В конфликтологии под конфликтом понимается любой вид противоборства или несовпадения интересов и отмечается, что склонность к конфликтам заложена в самой природе человека, в его «неприязни к различиям» [5, 211]. Конфликты, возникающие в процессе коммуникации между представителями разных культур, обусловлены неприятием культурно отличающихся норм, ценностей, стиля поведения, в основе чего лежит осознанный или подсознательный этноцентризм. Понятие «культурный конфликт» связано с понятием «культурный шок». Последний считается одним из проявлений культурного конфликта и подчеркивает стрессогенный характер воздействия инокультурной системы норм и ценностей.

В психолингвистике, по аналогии с «культурным шоком», используют понятие «лингвистического шока»: В.П. Белянин определяет его как состояние удивления, смеха или смущения, возникающее у человека, когда он слышит в иноязычной речи языковые элементы, звучащие на его родном языке странно, смешно или неприлично, «рецептивно неблагозвучные» [2, 100-102].

По мере интенсификации культурных и языковых контактов, в частности, в результате нарастания процессов глобализации английского языка, увеличивается потенциальная возможность возникновения конфликтных ситуаций, связанных с неприятием и чужого языка, и чужой культуры. В частности, процессы языкового заимствования, усиливающиеся под давлением глобального английского языка, при их рассмотрении в качестве опосредованного результата контакта культур часто сопровождаются негативной реакцией со стороны принимающего их языкового сообщества, а точнее, той его части, которая отказывается принимать данные заимствования, и если даже использует их, то оценивает как противоречащие сложившейся в данном культурном сообществе системе норм и ценностей. Отрицательное отношение к иноязычной языковой единице, обусловленное стоящими за ней культурными расхождениями, на наш взгляд, можно определить как «лингвокультурный конфликт». Данное понятие позволяет уточнить и конкретизировать понятие «культурного конфликта» в контексте лингвокультурологии как самостоятельной отрасли лингвистики, которая «имеет своим предметом и язык, и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии» [10, 8].

Как показывает анализ иноязычий (см. прим. 1), их культурно-обусловленное неприятие может проявляться через возникновение у них отрицательных, уничижительных или иронических коннотаций: мы уже писали о лингвокультурной обусловленности сдвига в отрицательную аксиологическую зону таких англоязычных заимствований, как *пиар*, *гламур*, *креатив* и др., и особенно их дериватов, таких как *пиарить*, *распиаренный*, *гламуристый*, *гламурненко*, *креативненко* и т.д. [13; 14]. Однако с наибольшей очевидностью лингвокультурный конфликт выявляется при наличии в речи говорящих специальных метаязыковых высказываний, в которых комментируется использование иноязычных языковых единиц.

Метаязыковое комментирование иноязычий

Метаязыковые высказывания, или «рефлективы», фокусируют внимание на семантически и аксиологически значимых языковых единицах, попадающих в поле языковой рефлексии говорящих, то есть на единицах, которые вызывают своеобразное напряжение в процессе коммуникации и требуют вербализации метаязыкового сознания [4, 79]. Заимствования, особенно недавно вошедшие в состав языка, являются одним из наиболее очевидных источников языкового напряжения и поэтому регулярно подвергаются языковой рефлексии и метаязыковому комментированию. Спонтанные представления о заимствованиях из других языков, сложившиеся и складывающиеся в обыденном сознании говорящих, могут быть определены как часть так называемой наивной, стихийной, обиходной или народной лингвистики (подробнее о «народной лингвистике» / "folk linguistics" в [4, 26-30, 53-57, 72-79; 6; 11] и др.) и могут касаться самых разных аспектов «наивного» (непрофессионально-лингвистического) анализа заимствований.

Эти комментарии могут быть оценочно-нейтральными, фиксирующими сам факт использования иноязычия, источник (язык) заимствования или, в случае авторского или окказионального заимствования, факт лакунарности на этом участке русскоязычной картины мира, обосновывающий использование данного заимствования или иноязычного вкрапления, типа *как говорят англичане (американцы); есть такое английское слово/выражение; американизм; не знаю точно, как это по-русски; такого слова (точного соответствия данному слову) в русском языке нет; есть такое (труднопереводимое) английское слово* и т.п. Используя общий подход к классификации рефлексивов, предложенный И.Т. Вепревой [4, 105-110], среди основных типов метаязыковых комментариев, сопровождающих иноязычия, можно выделить следующие:

а) комментарии динамического типа, отражающие временную характеристику употребления заимствованной языковой единицы, изменение лексического состава языка, моду на слово, перераспределение активного и пассивного запасов словаря и т.п., например: *Они теперь все говорят, как в американских сериалах: «у меня проблемы» и «я сделал это!»* (С. Поляков, «Грибной царь»);

б) комментарии стилистического типа, связанные с оценкой иноязычия в аспекте его стилистической окраски как книжного, разговорного, просторечного, характерного для речи тех или иных социальных групп и т.д., а также с точки зрения его стилистической уместности в тех или иных контекстах, например: *Этот чулан, в котором вечно царит хаос, в редакции принято называть модным и гламурным словом «фэшнрум»* («Yes!», 2008);

в) комментарии деривационного типа, связанные с уточнением значений иноязычий, с метаязыковым комментированием их семантической мотивированности, пояснением их внутренней формы в исходном языке, формальной и семантической деривации, модификации и реструктуризации смысла и т.п., например: *Пикаперы (от английского pick-up — «клеить, знакомиться»), если кто не в курсе, учат парней профессионально снимать девушек* («Комсомольская правда», 2008);

г) комментарии личностного типа, в которых выражаются личные предпочтения адресанта по поводу использования заимствований или ориентация на предполагаемую точку зрения адресата, например: *Чтобы в главе «дела сделанные» поубавилось, а в пункте «свободна», наоборот, выросло, примерь на себя основные правила тайм-менеджмента, или разумного управления временем, если тебе не милы англицизмы* («Yes!», 2008).

Важным основанием для дальнейшего разграничения типов метаязыковых рефлексивов является коммуникативный модус говорящего. Отмечают, что в корпусе рефлексивов в современном русскоязычном дискурсе гораздо чаще встречаются оценочные сообщения, нежели беспристрастное комментирование [4, 161]. Самыми частотными метаязыковыми операторами оценки являются глаголы типа *люблю — не люблю, нравится — не нравится*, а также различные оценочные прилагательные типа *хороший, замечательный, правильный, полезный, нужный — плохой, отвратительный, неправильный, вредный, излишний* и т.д. Комментарии оценочного типа И.Т. Вепрева определяет как «метаязыковую интерпретацию», поскольку говорящий помимо эксплицитной языковой информации эпистемического характера также вербализует информацию психологическую, социально-нормативную, морально-этическую и т.д. [4, 81].

Негативная метаязыковая интерпретация иноязычий как фиксация лингвокультурного конфликта

«Усиленная модализация» особенно характерна при метаязыковой интерпретации заимствований, и, как было отмечено выше, в таких контекстах преобладает негативная оценка, обусловленная этноцентризмом говорящих и часто возникающим лингвокультурным конфликтом. Это может быть простая регистрация интуитивного (не полностью «отрефлектированного») отторжения, например: *А бойфренд у тебя есть? — Бойфренда нет. — Почему? — Потому что бойфренд — это английское слово. Это что-то чужое. Оно мне не нравится. У меня есть любимый человек («Народный артист», 2006); Невероятно трудно, но мне было очень важно сказать, как, знаете, у американцев, абсолютно дебильная расхожая фраза: «Я сделал это!». Так я сделал это («Совершенно секретно», 2001); Этот страшный американизм — «Это твои проблемы!» («Женский взгляд», 2006).*

Реже встречается развернутая метаязыковая интерпретация заимствованных слов и выражений. Именно она представляет наибольший интерес для лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации, поскольку позволяет сделать более глубокие выводы о стоящем за данным комментарием лингвокультурном конфликте. Отметим, что в конфликтологии указывают на важность рефлексии как обязательного условия для возникновения конфликта, ср.: «переход от конфликтной ситуации к собственно конфликту идет *через осознание противоречия самими субъектами отношений*, то есть конфликт выступает здесь как *осознанное противоречие*» (курсив мой. - А.Р.) [5, 213]. Рассмотрим в качестве примера развернутой метаязыковой интерпретации лингвокультурного конфликта рассуждение из письма читателя «Комсомольской правды» по поводу упомянутого выше заимствованного из английского языка выражения «*Это твои (ваши) проблемы*» (калька от англ. *It's your problem(s)*), которое приводит в своей статье известный журналист Инна Руденко:

Когда еще в 90-е я услышала часто повторяемое «Это ваши проблемы», меня это ... поразило и расстроило... С глубочайшей печалью приходится констатировать, что девиз «Не грузи меня» становится диагнозом нашей жизни, неким жизненным кредо... Это приводит к душевному равнодушию, пронизывающему все наше общество... Демонстративный отказ в сочувствии, сопереживании, нежелание даже понять, попытаться почувствовать другого — вот распространенная практика... Пока наше правительство и интеллигенция ищут национальную идею, она уже сформировалась сти-

хийно: «Разъединяйтесь!» Меня это не касается - это ваши проблемы («Комсомольская правда», 2005).

Автор в данном случае очень эмоционально сформулировал те расхождения, которые описываются в лингвокультурологических исследованиях как расхождения двух типов культур - «коллективистских» и «индивидуалистских». Русская культура, согласно теории межкультурной коммуникации, культурной антропологии и т.п., относится к числу так называемых коллективистских культур, характеризующихся высокой ценностью личностных взаимоотношений, ориентировкой на групповые интересы в противовес индивидуальным, общинностью, общительностью, искренностью, эмоциональностью, вербализируемостью чувств и импульсов и др. (из огромного массива исследований по данному вопросу упомянем лишь некоторые из последних публикаций, например [8, 80-90; 9, 178-185]).

Используя терминологию А. Вежбицкой [3], можно сказать, что калька английского выражения «*Это твои (ваши) проблемы*» нарушает русские «культурные скрипты», или «сценарии поведения», представляющие своеобразную «наивную аксиологию», то есть общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя. Выражение «*Это твои (ваши) проблемы*», которое в «индивидуалистской» англоязычной культуре оценочно-нейтрально и связано с ценностью «личного пространства» (privacy), воспринимается носителями русскоязычной культуры в приведенной формулировке непрофессионального лингвиста как «*демонстративный отказ в сочувствии, сопереживании, нежелание даже понять, попытаться почувствовать другого*». Неприятие данного выражения отражает конфликт между традиционной, коллективистской и новой, более индивидуализированной современной русскоязычной культурой, возникающей под давлением процессов глобализации и американизации, конфликт, фиксируемый соответствующей негативной метаязыковой интерпретацией.

Лингвокультурное отторжение еще одного заимствованного из английского языка клише *You're the best!* - *Ты лучший!* в русскоязычном контексте также можно связать с широко описанной в культурологии склонностью индивидуалистской западной культуры преувеличивать успехи и достижения отдельных личностей, открыто выражать одобрение по поводу достижения цели, особенно в результате усилий и активных действий, своих собственных или чужих. Подобный «скрипт» противоречит нормам поведения в коллективистских культурах, в которых не принято ни самим хвалиться, ни чрезмерно хвалить других, поскольку достижения отдельной личности не имеют значимой собственной ценности и могут принижать достижения других членов коллектива. Поэтому выражение *You're the best!*, достаточно употребительное в английском языке, особенно в его американском варианте, например, в качестве стандартной формулы похвалы - *Thank you very much, you're the best* (или, что еще более чуждо, по отношению к самому себе - *I'm the best! I'm the greatest.*), вплетаясь в русскоязычный дискурс, выбивается из него как преувеличение, хвастовство, неискренность и подвергается негативной оценке. Именно этот лингвокультурный конфликт фиксируется в следующем рассуждении по поводу созданного под влиянием англоязычной лингвокультуры рекламного текста:

Вслушайтесь в это «пАсМАтри - ты лучшие!» Лучшее кого? Лучшее - в чем? В том, что мобильник подключен к конкретной сети? Так давайте уже и следующий слоган запустим - «пАсМАтри - он хуже!» Мы ведь не с самодостаточным "you are simply the

best" («ты — самый лучший») старушки Тины Тернер имеют дело, нам сравнение с соседями подавай. «Вася Пупкин — лох, у него мобильник старый, а я круче», вот наша религия, вот наше «догоним и перегоним» («Комсомольская правда», 2005).

Негативной оценке подвергается не столько сама фраза *You're the best!* — Ты лучший!, сколько то лингвоспецифическое звучание, которое она приобретает при заимствовании и использовании в контексте русскоязычной конфигурации представлений и ценностей.

Заключение

В рамках статьи невозможно осветить все случаи лингвокультурного противостояния, нашедшие отражение в метаязыковых комментариях и интерпретациях представителей русскоязычного сообщества по поводу культурно чуждых заимствований из английского языка. Отметим, что расширение метадискурса, связанного с контактом языков и культур, находится в полном соответствии с общей тенденцией к последовательной интенсификации метаязыковой рефлексии говорящих, расширением состава метаязыковых средств и их большей употребительностью в истории коммуникации в целом [12, 296]. При этом нарастающая интернационализация и давление глобального английского языка наряду с другими факторами (такими как кардинальные изменения в социальной, политической и экономической жизни российского общества, усиление личностного начала, общая коммуникативная демократизация и т.п.) еще больше обостряют метаязыковую рефлексию и повышают частотность метаязыковых комментариев, в том числе, оценочных интерпретаций, в русскоязычном дискурсе. Присущая русской ментальности словоцентричность и стремление сохранить национально-лингвистическую идентичность в условиях глобализации побуждают говорящих не просто заимствовать лексические единицы, но и формулировать свое отношение к возникающим в условиях языкового контакта случаям лингвокультурного конфликта и таким образом осуществлять то, что, используя термин А. Вежбицкой, можно определить как «лингвистическую самооборону» ("linguistic self-defense") [16].

Рассуждения «наивных» носителей языка, включая метаязыковые интерпретации иноязычий, могут расходиться с научно-лингвистическими описаниями: в исследованиях по проблемам обыденной метаязыковой рефлексии отмечают ее несистематичность, фрагментарность и неполноценность в силу неглубокого проникновения в существо отражаемых процессов, не критичность в отношении собственных продуктов, эмоциональность и пристрастность, архаическую метафоричность и мифологичность, неприятие саморазвития и самоизменения языка, стихийный антиисторизм и т. п. [4, 56; 12, 270-271, 326; 7, 137]. С другой стороны, по словам Ю.Д. Апресяна, представления, фиксируемые в наивно-языковой картине мира, отнюдь не примитивны: «наивные» представления о языке зачастую не менее сложны и интересны, чем научные, а иногда оказываются даже более точными, поскольку отражают коллективный опыт народа [1, 39]. Метаязыковые наблюдения носителей языка, как пишет Н.Б. Мечковская, «были и остаются смысловой питательной средой, продуцирующей новые образы, которыми живет профессиональная лингвистика» [11, 363].

Как было показано в нашей статье, лингвокультурные смыслы, обнаруживающиеся в результате металингвистической рефлексии обычных носителей русского

языка по поводу отторгаемых англоязычных заимствований, представляют большой интерес для лингвокультурологии и лингвоконтактологии, поскольку позволяют выявить и описать те сферы культурно-языкового взаимодействия, где возникают лингвокультурные конфликты, а также являются свидетельством стремления представителей русскоязычного языкового сообщества к сохранению базовых национально-культурных представлений и ценностей, отражаемых в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания, 1995. № 1.
2. Белянин В.Г. Введение в психолингвистику. М., 2001.
3. Вежбица А, Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
4. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.
5. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М., 2002.
6. Кашкин В.Б., Княжева Е.А. Концептуализация перевода в обыденном сознании и научном представлении // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1.
7. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2010.
8. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.
9. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2007.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
11. Мечковская Н.Б. Метаязыковые глаголы в исторической перспективе: образы речи в наивной картине мира // Язык о языке. М., 2000.
12. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. М., 2009.
13. Ривлина А.А. О явлении «глокализации» в семантическом развитии англоязычных заимствований // Россия и Запад: диалог культур. Сб. статей. Вып. 15. М., 2010. Ч. 1.
14. Ривлина А.А. «Творческий» или «креативный»? Еще раз к вопросу о глобализации английского языка // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Материалы международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2010.
15. Рябова М.Э. Иноязычие как фактор развития личности и общества // Общественные науки и современность. 2008. № 2.
16. Wierzbicka, A. Antitotaiitarian language in Poland: some mechanisms of linguistic self-defense // Language in Society. No. 19. Cambridge, 1990. URL: <http://www.istor.ore/pss/4168104> (время доступа 16.02.2011).

Примечания

1. Наряду с термином «заимствование»/«заимствованное слово» широко используется термин «иноязычие»/«иноязычное слово», в частности, в работах Л.П. Крысина, автора данного термина, и других исследователей (см. [7; 15]). Он позволяет охватить более широкий круг контактно-языковых проявлений и снять ряд терминологических разногласий, связанных с разграничением различных заимствований, псевдозаимствований (единиц, созданных в русском языке из иноязычного материала), калек, иноязычных вкраплений и т.п.